

8. Русское Географическое Общество. URL: <http://www.ggo.ru/2010/09/imena-nesobstvennye/> (дата обращения: 15.09.2010).
9. The Canadian Encyclopedia. URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.com/index.cfm?PgNm=TCE&Params=a1A> RTA0006315 (дата обращения: 20.09.2010).
10. URL: <http://maps.google.ru/> (дата обращения: 10.06 – 15.09.2010).
11. URL: <http://www.russianmontreal.ca/index.php?newsid=291> (дата обращения: 20.09.2010).

УДК 16.41.25:16.21.55

Серебрякова Е.В.
 Московский педагогический
 государственный университет

ГЛАГОЛЬНАЯ ПЕРСОНИФИКАЦИЯ И СПОСОБЫ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию глагольной персонификации на материале немецкой художественной прозы. Автором предпринимается попытка определить сущность глагольной персонификации, анализируются семантические классы глаголов, участвующие в процессе персонификации. Каждое теоретическое положение иллюстрируется примерами из произведений художественной литературы. В статье проводится четкая граница между кодифицированными и некодифицированными (образными) персонификациями. В статье также рассматриваются возможности грамматических свойств глаголов в различных синтаксических конструкциях для создания персонифицируемого образа.

Ключевые слова: глагол, персонификация, семантика, предикат.

E. Serebryakova

Moscow Pedagogical State University

VERBAL PERSONIFICATION AND THE
 WAYS OF ITS REALIZATION IN THE TEXT OF
 A NOVEL

Abstract. This article is devoted to the research of verbal personification in the German fiction. The author determines major characteristics of verbal personification, analyses semantic groups of verbs involved in the process of the personification. All theoretical assertions have illustrations from the texts of the novels. The author distinguishes between the codified and uncoded (pictorial) personification. The article covers questions of grammatical possibilities of a verb in different syntactical constructs for creation of personified image.

* © Серебрякова Е.В.

Key words: verb, personification, semantics, predicate.

Глагол является самой продуктивной частью речи и составляет четверть словарного состава немецкого языка. Он обозначает деятельность, состояния, события, определяет их во времени, связывает с субъектом, задаёт направление в развитии событий, оценивает их реальность. Эти семантические качества поддерживаются грамматическими характеристиками глагола. Глагол обладает “идеальным” набором предикативных грамматических категорий (наклонение, время, залог, лицо), с помощью которых передаётся отношение высказывания к действительности. «Глагол является наиболее сложной, грамматически организованной, отвлечённой и в то же время наиболее насыщенной, т. е. непосредственно отражающей действительность, категорией современного русского языка» [Виноградов В.В. 1986, 528]. Это утверждение также и правомерно в отношении немецкого языка.

Вопрос о специфике глагольных слов, о предикативных свойствах глагола всесторонне исследован в русской лингвистике. А.А. Потебня считал глагол высшей, наиболее отвлечённой и конструктивной категорией языка [Потебня А.А. 1968, 67]. А.М. Пешковский писал о важнейшей роли глагола в предложении: «Категория сказуемости построена на глагольности, хотя и не совпадает с ней полностью. В глаголе и только в глаголе мы имеем то сцепление воли с представлением, которое рождает мысль» [Пешковский А.М., 1956, 165,169].

«Глаголы – ядерное средство обозначения бытийности» [Свиридова Е.И. 1992, 53]. Очевид-

но, этим объясняется универсальный характер глагольных персонификаций, свойственных всем жанрам и формам художественной речи.

Глагол соответствует «представлению о действии – состоянии, мыслимом в зависимости от представления о субстанции» [Шахматов А.А. 1941, 102]. «Семантика глаголов, как показали многочисленные исследования последних лет, – пишет Н.Д. Арутюнова, – тесно связана со свойствами актантов, значения которых она нередко включает» [Арутюнова Н.Д. 1976, 342]. «В любом языке имеются (непроизводные) глаголы, семантически совместимые только с одной категорией предметных имён, т. е. номинация выражаемого ими действия произведена относительно одной (субъектной или объектной) категории предметных имён: думать, мыслить, рассуждать, оспаривать и т. п. может лишь человек» [Уфимцева А.А. 1980, 43].

При делении глаголов по семантическому признаку, как известно, выделяют *полнозначные глаголы (Vollverben)*, которые полностью сохранили свою семантику и выступают как полнозначные предикаты, и *неполнозначные глаголы (Funktionsverben, Hilfsverben)*, выполняющие в предложении функцию связки или части составного сказуемого, носителя грамматического значения. В ходе исследования глагольной персонификации нас будут интересовать полнозначные глаголы, поэтому позволим себе напомнить их классификацию по семантическому признаку, предложенную Г. Бринкманом:

- глаголы действия (Handlungs- oder Tätigkeitsverben),
- глаголы процесса (Vorgangsverben),
- глаголы состояния (Zustandsverben),
- глаголы, обозначающие событие (Geschehensverben),
- глаголы, обозначающие явления природы (Witterungsverben) [Schendels E. 1988, 15-16].

Такое разделение глаголов является ценным как для стилистической характеристики текста в целом, так и для анализа процесса персонификации в предикативном словосочетании. На это указывают Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс: „Das Verb verfügt über die Kraft, Bewegung, Veränderung, Leben in die Schilderung hineinzutragen. Es bringt „eine gewisse Unruhe in die starre Welt der Substantive. <...> Die Verben können sogar das Leblose beleben, wenn man die Gegenstände personifiziert, ihren Bewegungen, Gefühle, Handlungen zumutet...“ [Riesel E., Schendels E. 1975, 113].

При персонификации используются субъек-

тные глаголы, которые «своим прямым номинативным значением выражают действие, замыкающееся в самом субъекте действия, обозначая состояние, движение, процессы и события, охватывающие субъект» [Уфимцева А.А. 1980, 44].

По степени проявления олицетворяющих свойств в значении слов-персонификаторов можно выделить «стёршиеся» и образные персонификации.

В *стёршихся* персонификациях слово-персонификатор употребляется в переносном метафорическом значении, зафиксированном в словаре, поэтому для обозначения таких *олицетворений* Константинова С.К., например, предлагает термин «кодифицированные олицетворения» [Константинова С.К. 1996, 22]. Глаголы со «стёршейся» антропоморфной семантикой в переносном значении могут характеризовать действия и состояния не только лица, но и предмета в широком смысле слова (например, *spielen (die Mücken spielen (im Sonnenschein)), erwachen (der Tag erwacht)*). В олицетворяющих контекстах такие глаголы проявляют двойственность семантики, совмещая прямые и переносные значения, что затухивает развитие персонификации и сохраняет в восприятии читающего реальный предметный образ. Однако прямое значение олицетворяющего слова, связанное с деятельностью лица, не уходит из контекста полностью, оно лишь несколько ослабляется, что ведёт к уменьшению степени яркости персонифицированного образа.

Например:

1) *Es ist fünf Minuten vor Sonnabend-Abend, das Spiel lockt, und die gemeinsame Leidenschaft treibt die fünf Familienmitglieder, auch meine Schwester und mich, die beiden Spielerschatten, zusammen* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 137-138);

2) *Das Karrenrad zeichnet für uns in den Wegsand, wie betrunken die Schmiedowa ist* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 254).

Противопоставленные «стёршимся» *образные персонификации* создаются с помощью ярких антропоморфных персонификаторов, т. е. таких глаголов, все словарные значения которых характеризуют исключительно человека, например глаголы *lachen, flüchten, erzählen, sich ernüchtern* и т. п. Субъектным актантом таких глаголов является человек, «употребление этих же глаголов с другими актантами может рассматриваться аномальным или переносным некодифицированным употреблением» [Розина Р.И. 1991, 53].

Семантика предикатов некодифицирован-

ных персонификаций более разнообразна, и число глаголов с ярким антропоморфным значением в двучленной олицетворяющей синтагме значительно превышает число олицетворяющих предикатов с ослабленными антропоморфными свойствами. Однако, когда речь идёт о двучленной глагольной синтагме, намного больше примеров кодифицированных персонификаций. В развёрнутых олицетворениях доля «живых» глагольных характеристик возрастает, причём глаголы с *потускневшей* олицетворяющей семантикой под влиянием других антропоморфных элементов контекстуально актуализируют, оживляют прямое значение и уже не воспринимаются как стёршиеся [Константинова С.К. 1996, 26].

Естественно, что **глаголы-персонификаторы** должны обозначать специфическую деятельность человека. Они являются косвенными выразителями *антропонимичности*, что обусловлено их лексическим значением. Однако и среди них можно выделить некоторые основные группы, которые наиболее часто являются средством персонификации.

1) Глаголы восприятия (*sehen, hören, schauen, blicken, horchen* и т.п.):

а) *Da ist der Spiegel. Er schaut uns an* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 13);

б) *Ein Stück Kindheit blickt zu mir herunter...* (E. Strittmatter. Der Laden. T.3, s. 21);

в) *Ein Panzer liegt auf dem Rücken und sieht das trostlose Himmelslicht durch seine Ketten* (E. Strittmatter. Der Laden. T.3, s. 137);

г) *Es sei ihm eingefallen, dass ein Baum nicht wisse, dass er ein Baum ist, er hat nie davon gehört...* (E. Strittmatter. Der Laden. T.3, s. 313).

2) Глаголы, выражающие эмоции (*weinen, lachen, lächeln, kichern, stöhnen*):

а) *Die Erde lächelte drüber* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 37);

б) *In meinem Vater knirscht die Wut* (E. Strittmatter. Der Laden. T.3, s. 313);

в) *Nun schaltet er die elektrische Backofenlampe ein, und die dunklen Ecken des Backofen-Innern, in die bisher nie ein Lichtstrahl drang, erschrecken* (E. Strittmatter. Der Laden, T.1. s. 351);

г) *Im Efeu vor dem Fenster zanken sich die Spatzen* (E. Strittmatter. Der Laden. T.2, s. 370).

3) Глаголы передвижения, характерные для одушевлённых существ (*kommen, wandern, kriechen, defilieren* и т.п.):

а) *Hauptsache, die Häufchen auf dem Felde marschieren...* (E. Strittmatter. Der Laden. T.2, s. 171);

б) *Der Jammer ist in Wittlings Häuslichkeit gekrochen* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 269);

в) *Leben springt in ihnen (Kücken) auf* (E. Strittmatter. Der Laden. T.3, s. 181).

4) Глаголы, обозначающие деятельность живых существ:

а) *Der Laden hockt auf einem Thron Ist er ein König?* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 67);

б) *... der Schaukelstuhl nickt mir zu, ich erwidere seinen Abschiedsgruß nicht* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 145);

в) *Aber sie lullen so schön ein, diese Erinnerungen, tun als ob sie besser gewesen wären als das Heute, und ballen uns sanft davon ab, das zu tun, was dringend nötig wäre* (E. Strittmatter. Der Laden. T.3, s. 295).

5) Глаголы мышления (обозначающие свойство, присущее живым существам от природы) – *denken, überlegen, wissen, vergessen, erinnern*:

а) *Die Blumen an den Bahndämmen, mit ihren rußigen Köpfen, die Vögel auf den Drähten, mit rußigen Stimmen, sind mit ihnen befreundet und erinnern sie noch lange* (W. Borchert, s. 72);

б) *Wir standen am Fluß. Aber der segelte mit der Nacht und riß uns nicht mit in ein unbekanntes Land. Vielleicht wusste er auch nicht, wohin die Fahrt ging...* (W. Borchert, s. 334);

в) *„Manchmal kommt es vor, dass der Computer eines seiner Opfer vergisst“* (E. Kishon, s.17).

6) Глаголы говорения (*sagen, reden, sprechen, plaudern, antworten, flüstern* и т.п.):

а) *Der Harzer Käse hat es ihr angetan; er stinkt auf die Fliege ein und erzählt ihr, dass er einmal Quark war und von einer Kuh abstammt* (E. Strittmatter. Der Laden. T.2, s. 106);

б) *Hermann Petruschkas Tenorhorn redet traurig auf mich ein* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 230);

в) *Wenn Scholtan mit seiner Schaufel in den Haufen fuhr, krächzte der Sand, und wenn er ihn von der Schaufel auf die Straße breitete, wisperte er* (E. Strittmatter. Der Laden. T. 2, s. 278).

С помощью данных глаголов автор имеет возможность знакомить читателя с высказываниями или мыслями персонифицируемой фигуры, достигая тем самым большего эффекта персонификации. Часто за **глаголами говорения** следует прямая речь денотата или его внутренний монолог.

Например:

1) *In Bosssdom kann sich der Schnee schön hinlagern und sich sagen: Hier ists gemütlich, hier blei-*

be ich! (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 421);

2) *Dann flüsterte der Fluß: Wie Liebe - siehst du – wie Liebe - siehst du – –* (W. Borchert, s. 334);

3) *Wo ist Gott - schreien die Granaten!* (W. Borchert, s. 317).

В таких конструкциях реализуется важнейшее антропоморфное свойство – способность говорить. Глаголы говорения, вводя прямую речь, играют немаловажную роль в формировании олицетворяющего контекста.

Прямая речь представляет собой «прямое высказывание, обращённое непосредственно к собеседнику» [Кодухов В.И., 1957, 8]. Под *прямой речью в художественном произведении* понимается «передача письменных и устных слов одного из персонажей в их буквальном виде, с сохранением всех языковых особенностей речи, а также эмоционально-экспрессивных оттенков выражения» [Гончарова Е.А., 2005, 250]. Глаголы говорения обозначают, как правило, сам процесс говорения, эмоциональное действие или состояние денотата:

1) *Die Parmänen lagen auf goldgelbem Haferstroh und riefen uns zu: Beißt in uns! Befreit unsere reifen Kerne! Onkel Phile, der mit mir im Kinderland lebte, erhörte die Hilfeschreie und stopfte seine Soldatenmütze voll Parmänen* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 277);

2) *Der große leere Taubenschlag befahl, dass wir Tauben anzuschaffen hatten. Der Wind ging bei den leeren Taubenschlag-Löchern aus und ein und wisperte mal und heulte ein anderes Mal: Tauben her! Tauben her!* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 390);

3) *Hauptgewinn! brüllen die Hüttenspatzen, und die Blätter der Linde, unter der unsere Verkaufsbude steht, zittern* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 483).

Иногда прямая речь вводится глаголами неантропоморфного свойства, например:

1) *Der Alte, unser Täuber, sitzt noch mit einem Halsverband in seinem Krankenhaus, einem umgekippten Kartoffelkorb, in der Küche. Wenn er auf dem Hof die anderen Täuber rumoren hört, turtelt er ihnen zu: Denkt nicht, dass ich schon abgeschoben bin!* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 391);

2) *Die Birnbaumblätter raschelten blechern und fordernd: Macht, macht!* (E. Strittmatter. Der Laden. T.3, s. 316).

В подобных примерах речь неодушевлённого предмета звучит без опоры на персонифицирующий глагол, что, вероятно, связано с мифологической идеей антропоморфизма.

Часто встречаются примеры, когда за глаголом говорения следует косвенная речь персонифицированного денотата:

1) *An Sträuchern und Gräsern klebt Reif und behauptet, er sei ein Geschwister vom weißen Samt* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 416);

2) *Das Karussell versucht uns einzureden, es sei ein Abklatsch des Lebens...* (E. Strittmatter. Der Laden. T.2, s. 361).

Косвенная речь здесь, как особый способ изображения чужой речи, используется в случаях, когда важна не языковая форма высказывания, а его содержание, заключённая в нём информация.

7) Нередко в роли персонификаторов выступают *глаголы с возвратной частицей „sich“*. Частица „sich“ предполагает определённую самостоятельность, некую внутреннюю силу субъекта, действия которого она характеризует, особенно в рефлексивных конструкциях, обозначающих движение, перемену состояния:

1) *So soll sie man anfangen, sagt meine Mutter, und wieder fällt eine Beleidigung in sie hinein und verkapselt sich* (E. Strittmatter. Der Laden. T.1, s. 139);

2) *Die Säge knurrt schon wieder. Sie beißt sich in den Fuß der dicken Kiefer* (E. Strittmatter. Ole Bienkopp, s.19);

3) *Kurz vor dem Dorfe bei der Feldscheune verabschieden sich zwei Drähte und gehen auf eigenen Stangen zum auffrisierten Guts-Schafstall* (E. Strittmatter. Der Laden. T. 1, s. 259).

Интересны случаи использования *пассивных конструкций* при персонификации. Как известно, субъект активного предложения становится в пассивном предложении дополнением. При персонификации в пассивном предложении семантический субъект, являющийся в предложении дополнением, сопровождается предлогом „von“, характерным для антропонимов, что подкрепляется соответствующими персонифицирующими глаголами. На это указывают Э. Ризель и Е. Шендельс:

«Von представляет явления природы как действующие независимо от воли человека, самостоятельные силы: vom Blitz betroffen, vom Wind zerrissen.

Чувства, ощущения и настроения берут верх над человеком: Sie wurde von einer ausgelassenen Heiterkeit ergriffen. Sie wurde verwirrt von diesem Gedanken (L. Frank. Mathilde).

Von – это средство персонификации неживого: Der tobende Lärm der Arbeit wurde verschlungen

gen von einem dumpfen Brunnen (Kellermann. Der Tunnel)» [Ризель Е., Шендельс Е. 1975, 135].

При анализе языкового материала нами были найдены примеры с данной грамматической конструкцией:

1) *Ich bin von Worten zerfressen* (E. Strittmatter. Der Laden. T. 1, s.11-22);

2) *Dann war sie von der Dunkelheit aufgefressen. Weg, aus - für immer* (W. Borchert, s. 92).

По структуре глагольный предикат может быть *простым* или *составным*. Если в простом глагольном сказуемом содержание и грамматические показатели представлены компактно в самом глаголе, то в составном глагольном сказуемом «выражение его вещественного содержания и грамматической семантики распределено между составляющими такого сказуемого – спрягаемым глаголом и инфинитивом» [Распопов И.П., Ломов А.Е. 1984, 209].

Приведём примеры:

1) ... *andererseits erlaubt mir das, was die Erwachsenen Gewissen nennen, nicht, die Mutter zu belügen und zu bestehlen* (E. Strittmatter. Der Laden. T. 2, s. 156);

2) ... *die Sterne mühen sich, das Licht des unvorhandenen Mondes zu ersetzen* (E. Strittmatter. Der Laden. T.2, s. 123);

3) *Es gibt Fuhrwerkswege vom Dorf zu den Ausbaurnhäusern; sie versuchen, gerade und amtlich zu verlaufen...* (E. Strittmatter. Der Laden. T. 2, s. 160).

Антропоморфными свойствами обладают, как правило, обе части сказуемого, несмотря на то, что «вещественное содержание» составного глагольного сказуемого выражается обычно инфинитивом, а спрягаемый глагол выполняет служебную, вспомогательную роль, являясь носителем грамматических свойств предиката. Интересна в этом отношении персонификация в последнем примере, где персонифицирующий признак выявляется во вспомогательном глаголе „versuchen“, а инфинитив несёт обычную характеристику для неодушевлённого предмета: „der Weg verläuft“.

Ещё один вариант структуры составного глагольного сказуемого заслуживает внимания при создании персонификации. Это – сочетание *модального глагола* с инфинитивом. Модальные глаголы являются лексическим средством выражения модальности. В этом смысле они выражают отношение субъекта действия к действительности. Данная группа глаголов может выражать необходимость, желание, возможность, предпо-

ложение, требование. Все эти категории присущи прежде всего человеку, то есть носят антропоморфный характер. Рассмотрим примеры:

1) *Unser Haus ist schließlich kein Gefängnis, und wenn Maschinchen marschieren will, dann soll es.* (E. Kishon, s. 10);

2) *Alle fünfzig Meter muss sich der Strom draußen in der Heide ausruhen* (E. Strittmatter. Der Laden. T. 1, s. 261);

3) *Vom Nachbardorf Gulitscha kommt eine Chaussee dritter Ordnung. Sie krümmt sich vor Widerwillen, sie will nicht nach Bosssdom* (E. Strittmatter. Der Laden. T. 1, s. 152).

В данных примерах модальные глаголы употребляются в усилительно-персонифицирующей функции, своими значениями они подчёркивают осознанную целенаправленность поступков денотата.

Понятия, подвергшиеся персонификации, не только получают право на „одушевлённое существование“, но и передают его существительным, выражающим эти понятия, и те начинают сочетаться со специализированными языковыми средствами поля одушевлённости, в частности – выступают в предложениях, содержащих модель словосочетания с винительным падежом содержания, модель словосочетания с „accusativus cum infinitivo“, модель словосочетания с „kommen + Partizip II“ [Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. 1969, 137].

1) *Hinter der Scheune stirbt eine Mähmaschine den schweren Verwesungstod eiserner Dinge ...* (E. Strittmatter. Ole Bienkopp, s.16);

2) *Wir saßen den Sonntag lang unter den Tannen, sahen in den Regen und hörten den See mit dem Himmel reden* (E. Strittmatter. Regentag, s. 119);

3) *Noch einmal kommt Schnee gefahren mit den schweren Wolkenschiffen* (E. Strittmatter. Ole Bienkopp, s. 47).

Результаты нашего исследования подтверждают тот факт, что глагол играет доминирующую роль в современном немецком языке в целом и языке художественной литературы как его части, что отражается высокой частотностью его употреблений при создании персонифицированного образа. В 900 контекстах, отобранных для анализа из произведений художественной литературы, был выявлен 751 глагол с семей «одушевлённость» и «антропонимичность», из которых 85 примеров составили *возвратные глаголы* и 45 конструкций – с *модальными глаголами*.

Хотя намного ярче и выразительнее образ раскрывается в развёрнутых контекстах, глагол

остаётся самой частотной частью речи, реализующей приём персонификации в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. - М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
3. Гончарова Е.А. Интерпретация текста. Немецкий язык: Учеб. пособие / Е.А. Гончарова, И.П. Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 368 с.
4. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. - М., 1969. – 183 с.
5. Кодухов В.И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке.– Л.: Учпедгиз, 1957. – 86 с.
6. Константинова С.К. Семантика олицетворения. - Курск: Изд-во КГПУ, 1997. – 112 с.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: ГУПИ, 1956. – 500 с.
8. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике: В 4-х т. – М.: Просвещение, 1968. – Т. 3. – 551с.
9. Распопов И.П., Ломов А. Е. Основы русской грамматики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 352 с.
10. Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 52-56.
11. Свиридова Е.И. Бытийная лексика в художественном тексте // Функциональная семантика слова. – Свердловск, 1992. – С. 53-59.
12. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 5-80.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
14. Штриттматтер Е. Оле Бинкоп: Роман. – М.: Прогресс, 1980. – 422 с.
15. Borchert W. Das Gesamtwerk. – Rowohlt Taschenbuch Verlag, Reinbek bei Hamburg, 2009. – 570 s.
16. Kishon E. Nicht so laut vor Jericho. Neue Satire. Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 1980. – 154 s.
17. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. – Moskau, 1975. – 316 s.
18. Schendels E. Deutsche Grammatik. – Moskau, 1988. – 302 s.
19. Strittmatter E. Der Laden. Т. 1. – Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH, 1994. – 536 s.
20. Strittmatter E. Der Laden. Т. 2. – Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH, 1994. – 536 s.

УДК 811.161.1/351.32/12/22

Ханбалаева С.Н.
 Московский институт
 экономических преобразований

**ЕДИНИЦЫ АДВЕРБИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ДАГЕСТАНСКИХ
 ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ТАКСИСА***

Аннотация. В описаниях дагестанских языков грамматические средства выражения таксисных отношений оставались вне поля зрения, поскольку их исследование во многом шло в русле традиционной русской грамматической теории. Между тем в дагестанских языках, в том числе лезгинском, даргинском, аварском, имеются специальные глагольные формы таксисного содержания, описание которых в существующих терминах оказывается не вполне адекватным.

Ключевые слова: таксисные отношения, деепричастие, единицы адвербиальной семантики, конверб, дагестанские языки.

S. Khanbalaeva
 Moscow Institute of Economic Transformations
 UNITS OF ADVERBIAL SEMANTICS OF
 THE DAGESTAN LANGUAGES IN THE LIGHT
 OF THE TAXIS THEORY

* © Ханбалаева С.Н.

Abstract. In the description of the Dagestan languages grammatical means of expressing taxis relations used to be out of the vision field as the most part of their research was carried out according to the traditional Russian grammatical theory. Meanwhile there are some special verb forms with taxis semantics in the Dagestan languages (Lezgin, Dargin, Avar). Their description in modern terms has proved not quite acceptable.

Key words: taxis relations, adverbial participle, units of adverbial semantics, converb, the Dagestan languages.

Большой интерес представляют наблюдения над единицами, которые традиционно рассматриваются как деепричастия. Адвербиальные формы для глагола дагестанских языков можно выделять с большим основанием. Например, показатель деепричастия HCB -з лезгинского языка – морфема семантическая, в отличие от реляционных